

УДК: 100.7+100.37

М. С. Дмитриева,

д-р филос. наук, проф.

Южноукраинский национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра философии и социологии

СБЫВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

Цель статьи — привлечь внимание к такому феномену интеграции наук, как экстраполяция метода лабораторных исследований реального поведения участников рыночных процессов, в качестве средства эмпирического анализа экономической науки; раскрыть методологическое значение ситуации, показать ее последствия и задачи практической психологии.

Ключевые слова: экономическая наука, человекомерность, методологическая рефлексия, принцип *ceteris paribus*.

Постановка проблемы. Повод для предлагаемой статьи — знакомство с книгой мексиканского философа Энрике Вильянуэва «Что такое психологические свойства?» [1], в которой с позиции аналитической философии изложено содержание дискуссии современных представителей англо-американского направления метафизики психологии. Автор признается, что в объяснении психологических свойств личности он вводит парадоксальные мысли как провокацию, как вызов читателю. Ряд проблем, по его мнению, не имеют решения, и автор выражает озабоченность по поводу их будущего эмпирического изучения. Для постановки проблемы использованы также материалы статьи С. Л. Алексеева и А. Н. Филатова «Отклик на событие», в которой два автора — психолог и философ — отмечают неизбежную сменяемость теоретических абстракций и моделей изучаемого объекта в ходе развития теоретической мысли [2, с. 30—36].

Цель настоящей публикации — привлечь внимание к такому феномену интеграции наук, как экстраполяция метода лабораторных исследований реального поведения участников рыночных процессов, в качестве средства эмпирического анализа экономической науки.

Событие в Шведском Королевстве. Восемь лет назад Шведской Королевской академией были объявлены имена двух новых лауреатов Нобелевской премии по экономике. Один из них — психолог, профессор Принстонского университета Даниел Канеман был отмечен «за исследование реального поведения экономических субъектов в условиях современной рыночной экономики», Другим лауреатом был объявлен Верной Смит из университета Джорджа Мейсона «за применение лабораторных исследований в качестве средства эмпирического анализа экономики».

Усилия представителей экономической науки, начиная с 1969 г., были отмечены в Стокгольме более пятидесяти раз. Нобелевская премия 2002 г. явилась оценкой не только успешных усилий экономической науки, но заслуженно выделила в числе лучших значительных достижений года разработки в области психологии по лабораторным исследованиям поведения экономических субъектов, реально обеспечившим эмпирический анализ процессов экономической сферы. Многолетние психологические исследования Канеманом экономических

Сбывшееся пророчество

контрагентов в рыночном пространстве доказали несомненное влияние на ход развития экономической сферы человеческой субъектности и индивидуальности, объяснили те значительные отклонения в реальной жизни рынка, какими завершаются осознанные поступки участников и организаторов процесса. Новыми лауреатами доказано, что человек в принятии решений, в оценке событий и в выборе оптимальных возможностей действий на рынке отнюдь не подобен отлаженной логической машине. Традиционный метод моделирования рыночных отношений, в основе которого заложена абстракция «экономического человека», обнаруживает свою недостаточность. Экономическая реальность проявляет себя значительно богаче, сложнее и противоречивее. Инвесторами и всеми без исключения субъектами рынка далеко не всегда движет рациональность, в их действиях срабатывают на равных и другие, не менее важные для индивидов мотивы и свойства нормального вменяемого человека.

Психологические исследования экспериментального уровня до сих пор воспринимались в общественном мире как несовместимые с классическими представлениями об экономической сфере, а также с теоретическим конструктом любой науки об обществе. Нобелевский комитет в нарушение традиции строгого дисциплинарного подхода при назначении премий своим решением 2002 г. выразил принципиальную приемлемость для экономической науки психологических исследований. Зафиксирована реальная значимость для экономической практики психологических исследований, в частности, последних экспериментальных разработок с лабораторным тестированием альтернативных рыночных схем и механизмов, а также их воплощение в реальной экономике. Решение Комитета отмечает перспективность использования эксперимента и дальнейших лабораторных исследований такого рода, выражая общественное признание разработанных Вероном Смитом подходов, касающихся преобразований сложившихся экономических структур, альтернативных рыночных схем и механизмов.

Человекомерность экономической науки. По иронии судьбы без малого два с половиной века тому назад в экономической науке звучало имя Смита. Наш современник Верон Смит проведенным им анализом поведения экономических субъектов доказал, что реальные рынки устроены сложнее, чем полагал великий английский экономист, а кривые спроса и предложения больше не являются главным объектом изучения экономики. Экономические действия субъектов экономического, финансового и информационного рынка — все без исключения (производитель, продавец, потребитель, предприниматель, менеджер, инвестор, кредитор и др.) не столь уж далеки от свойств человека, изучаемого психологией.

Объект исследования психологии и смежных с нею наук — это и есть «та сумма психологических свойств и еще нечто помимо суммы психических свойств, обнаруживаемых в повседневном опыте и составляющих нашу личность» как пишет Энрике Вильянуэва [1, с. 11—17]. Психология, особенно практическая психология, изучает проявления человека — носителя и создателя культурных ценностей всей системы реальной жизни. Психология выявляет, как поступает, думает, ориентируется в мире живой человек с его многообразными интересами, ожиданиями, заботами, человек эмоциональный и реагирующий на воздействие ситуации, проявляющий себя через осознаваемые интересы и влечения, рациональный и эмоциональный одновременно, человек, руководствующийся чувством долга, собственного достоинства и все же иногда одержимый страхом, растерянный, чтящий науку и отдающий дань суевериям, способный сосредоточиться и расслабиться, быть собранным и деморализованным.

Награжденные Канеман и Смит показали, что в экономическом поведении участников рынка действуют эмоции, волевые и эгоистические импульсы; со-

М. С. Дмитриева

знание проявляется как целостная, единая, хорошо организованная самоорганизующаяся система, динамически связующая воедино чувства, волю и разум. Еще раз подчеркнем, что исследователями был выявлен и показан человек, включенный в экономические процессы и проявляющий совершенно иные свойства, чем свойства, составляющие традиционного homo economicus, на которого опиралась экономика вплоть до начала XXI века. В создании такого рода теоретической абстракции сказалась общеевропейская тенденция утверждения в научных исследованиях (как и во всем мировосприятии) рационалистической позиции по отношению к человеку. Классическая наука опиралась на абстракцию «разумного человека», сущность, которого считали необходимым выразить путем редукции, т. е. сведения к неизменяемым постоянным свойствам, проявляющимся в условиях строго закономерного хода истории. В экономической жизни отказывались видеть переходящие, случайные явления, действующие и проявляемые через совокупность вариативных свойств человека. Как и вся область гуманитарных наук, экономика обедняла человека с его активностью, творческим началом деятельности, рисковала потерять связь с реальностью и утвердиться в своей «бесчеловечности». Это находило оправдание в таком проявлении редукционизма, как сведение высших форм движения к низшим.

При все усиливающемся отрыве общества от природы методологически господствовала вера в «силу абстракций», которые в естествознании сыграли свою положительную роль, обеспечивали триумфальное шествие многих наук в своей опоре на эксперимент. Для гуманитарного знания эксперимент считался принципиально невозможным. Именно эта «презумпция принципиальной неуместности эксперимента в общественных науках», как подчеркивает автор предлагаемой здесь статьи, сдерживала ход экономической мысли. Нобелевская премия и в научном сообществе, и во всем современном мире явилась официальным признанием того, что абстракция «экономический человек» неэффективна для постижения сложнейших процессов в сфере экономики новых наукоемких отраслей современного жизнепроявления. Признанием того, что уровень развития экономических и психологических знаний не просто обеспечивает корректировку понятий и уточнение концептов, а прежде всего — кардинальную смену модели изучаемого объекта.

Изложенное подводит к выводу о том, что рассматриваемая ситуация с ее главным событием — результативным сопряжением столь роднящихся наук, как экономика и психология, а также теоретический и экспериментальный уровень сегодняшних научных исследований возвращают социальному знанию человекомерность; укрепляют намечающийся мост объединения естественного и гуманитарного знания, способствуют отходу от того классического рационализма, который уже давно в своей односторонности подвергнут критике за абсолютизацию логики и мышления.

Сбывшееся пророчество. В раскрытой здесь ситуации выхода экономической науки на уровень человекомерного звучания остается еще раз подчеркнуть, что на пути к открытию, отмеченному высшей премией мира, в экономической теории оказалась задействована не категория «экономический человек», а целостный, полноценный гносеологический образ индивида, органично включенного в экономическую среду и активно действующего в ней. Действующего, как писал Т. Кун, «не вопреки тому, что ему свойственно все человеческое, а именно по этой причине» [3, с. 193], т. е. действующего с проявлением всех психологических свойств человека. Важным условием обретения экономическими процессами человекомерности при этом явилось приложение достижений практической психологии в области разработок лабораторных исследований поведения человека.

Сбывшееся пророчество

Ну, как тут не обратиться к прозорливому предсказанию лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева, которое он сделал более полувека назад в статье о развитии отдельных наук и их участии в междисциплинарном сотрудничестве (*The Journal of Philosophy*, 1948. Nov Yol. XLX. № 23. — на русском языке опубликована [4])? Всемирно известный экономист выразил уверенность что «в некоторых случаях даже незначительный прогресс может превратить науку, которая раньше практически не привлекалась для анализа определенной ситуации, в самый важный, может быть, единственный элемент наиболее эффективной схемы объяснения» [4, с. 35] (курсив мой. — М. Д.). В. Леонтьев вел речь именно об экономической науке, к исследованию объектов которой предстояло подобрать экспериментально — практический аппарат другой науки, до сих пор не имеющий приложения за пределами своего предметного поля. Им были названы некоторые отрасли науки, в том числе и психология, но особенно подчеркнуто, что ни одна из этих наук, ни сама экономика в принципе не в состоянии дать самостоятельно единственно правильное описание экономических процессов.

Практическая психология в те годы представляла науку, «пересечение» с которой для социальных наук практически исключалось. Ее методы лабораторных исследований оценивались как несовместимые с классическими представлениями экономической теории, отвергающей экспериментальный подход к экономическому процессу, равно как и к историческому процессу в целом. Случалось нередко, что при обращении к психологическим свойствам, личным качествам исследуемого субъекта исследователей клеймили за «психологизм» и субъективизм. Так, Томаса Куна, создавшего первую модель развития науки, обвинили в иррационализме и субъективизме, упрекали за то, что он выбор теории отдает «на прихоть психологии». Он, в свою очередь, задавал недоуменный вопрос: «Как философы науки могли так долго пренебрегать субъективными началами, которые, они это легко принимали, регулярно участвуют в выборе теории, совершаемом отдельными учеными. Почему эти начала казались им признаками исключительно человеческой слабости, а не природы научного знания?» [5, с. 62—66].

Сегодня мы видим, что пророчество Леонтьева сбылось в полной мере. Психология — именно та наука, судьбу которой мысленно наметил Василий Леонтьев. Она стала, как он и полагал, средством объяснения феномена экономических процессов, их человеческого измерения. Две разные науки, каждая в своем ракурсе изучающая две разные сущности — абстракции экономического субъекта и психологически многообразно и многосторонне проявляющего себя индивида — вступили в успешное взаимодействие на одном объекте — на человеке рынка.

Сопряжение это оказалось плодотворным. Презумпция Леонтьева подтвердилась получением наиболее эффективной схемы объяснения. В экономической науке (и это верно отметили авторы цитируемой выше статьи [2]) свершилась смена кардинальной модели изучаемого объекта. В этой ситуации психология из науки, которая ранее «практически не привлекалась», превратилась «в самый важный, может быть, единственный элемент» родившейся схемы объяснения.

В наличии оказались и необходимые условия предвидимой Леонтьевым ситуации: и природа исследуемого объекта, и уровень развития привлекаемых наук. Кроме выхода на новый уровень самой экономической теории, ситуацию составили разработанные Э. Канеманом в психологии методы лабораторных исследований реального поведения деятельных субъектов. Именно эти методы легли в основе осуществленного В. Смитом эмпирического анализа экономики. Можно отметить, что в известном смысле практическая психология просто не

М. С. Дмитриева

могла не стать этим необходимым и важным элементом объяснена процессов экономической системы, да, возможно, в скором времени и всего общеисторического процесса. В этом проявилось все усложняющееся и убыстряющееся развитие самоорганизующихся систем социума. Экономический, финансовый и информационный рынки, как и все новые наукоемкие области жизнедеятельности людей, не могут быть объяснены и поняты без многогранной объемной модели представителя феномена ноосферы — активного, творческого, эмоционального человека.

Методологическая рефлексия над ситуацией. В статье В. Леонтьева, включающей его пророчества, он сам подчеркивает общеметодологический уровень взятой темы — сотрудничество отдельных наук на пути к междисциплинарным исследованиям. Рассматривает возможность интерпретации процессов рынка усилиями экономической теории во взаимодействии с теориями ряда других наук. Такая постановка вопроса вытекает из его уверенности в невозможности языком одной науки достичь полноты отображаемого объекта. Это утверждение на многие десятилетия опередило учение семиотической школы Лотмана Ю. М. о когнитивном потенциале двуязычного описания предметного поля науки, о неизбежном пересечении этих языков на объектах науки [6, с. 14—17]. Анализ показывает, что при подобном рода пересечении именно в зону силового напряжения, образуемую противостоянием двух теорий с их различием языков и способов анализа объекта, из непересеченных их зон переносится информация, которая и служит образованию нового смысла в описании объектов (См. нашу публикацию: [7, с. 100]).

Инновационный вклад Леонтьева в общую методологию науки составляет предложенный им новый подход к принципу плюрализма как инструмента изучения любого деятельностного процесса. Критикуя практикуемый мнимый плюрализм за методологическую эклектичность, Леонтьев доказывает, что в состоянии развития наук без взаимодействия между собою и наличия у каждой из них своего аналитического аппарата сведение их усилия для подлинного взаимодействия в междисциплинарном комплексном исследовании возможно только одним путем. Такой путь он предлагает и называет его «*Метод систематического исключения невозможных последовательностей*». Леонтьев подчеркивает, что при этом последовательно осуществляется сравнение аналитических возможностей всех дисциплин в сопряжении с экономической теорией, интерпретацию объектов которой исследователи стремятся обеспечить наилучшим образом, выбирая оптимальный вариант. [См. об этом подробно: 4, с. 7—46]. Такой путь отвергает плюрализм, по крайней мере, до того момента, когда, как полагал Леонтьев, будет найдена совершенная формула сведения наук друг к другу на пути к целостной науке будущего.

Вернемся к вопросу о том, почему же исследователи умалчивали о психологических свойствах исследуемых субъектов деятельности, хотя не могли не видеть их повсеместного проявления и влияния на социальные процессы. Следует прежде всего отметить, что в истории науки ситуации такого рода нередки. Наука подавляет фундаментальные новшества потому, что они либо разрушают старые установки, либо представляют собой труднореализуемые в тех условиях идеализации, и ученые предпочитают их отклонять. В научной практике в этой связи утвердился довольно расхожий прием, называемый *ceteris paribus* (лат. — при прочих равных условиях).

Философ И. Лакатос описывает исследования, при которых в случае конфликта между хорошо подготовленной теорией и какими-то, неподдающимися объяснению результатами эксперимента исследователи признают эти результаты «как бы не имевшими места», т. е. опускают их, не берут в расчет, объявляют

Сбывшееся пророчество

ceteris paribus [8, с. 40—47]. В подобных ситуациях исследователь отдает предпочтение интересной для него проблеме, тем более, что описание и оценка результатов эксперимента содержит всегда интенциональность, определяемую заинтересованностью, осведомленностью и другими побудителями — мотивами исследователя.

Подчеркнем, что все это отнюдь не означает категорического запрета *ceteris paribus*, не исключает права на подобную оценку каких либо фактов, играющих действительно мало существенную роль в исследуемых процессах. Однако Пригожин, например, имел основание видеть в *ceteris paribus* некоторого рода идеологический запрет. Исследовав трехсотлетнюю историю классической физики, он обнаружил, что значительные фундаментальные открытия, несогласуемые с традиционной теорией, исследователями просто замалчивались. Эти открытия обозначались противоречивыми понятиями (с частицей не-) и рассмотрению не подлежали. Известен рассмотренный Пригожиным пример обычного маятника с произвольной амплитудой и двумя положениями — верхним и нижним. Стабильное нижнее положение маятника изучалось традиционным образом, а верхнее нестабильное неустойчивое положение просто оставлялось без внимания, ибо даже этот простой случай вел к нежелательному эффекту — к обнаружению непредсказуемости объекта [9, с. 47—52].

Модели традиционной физики были упрощенными, воплощались на неполном языковом материале, но наука продолжала свой триумфальный путь. Это, как объяснял Пригожин, было связано с тем, что физика довольствовалась изображением и изучением наиболее простых явлений. Однако сегодня с приходом в физику сложных объектов-систем (диссипативные среды, квантово-механические поля) модели, исследовательские приемы и усеченный язык классической физики оказались неэффективны. Тот понятийный аппарат традиционной теории, что был ее *ceteris paribus* (понятие неравновесность, нестабильность, необратимость, нелинейность, неупорядоченность и др.) составил дуально сочетаемый (в сопряжении с парными противоречивыми своими понятиями) корпус нового физического знания. Так состоялась легитимация «негативных» понятий, вошедших в язык нового мышления [10, с. 80—82].

Этот пространственный экскурс в методологию и философию науки позволяет дать соответствующую оценку новому качественному состоянию, какое обрела в настоящее время практическая психология. Через экстраполяцию метода, как отмечает методология, возможна трансформация самих научных теорий за счет расширения сферы их применения, увеличения раскрываемых сущностей [11, с. 108—114]. Выход практической психологии в сферу деятельности экономических субъектов обеспечивает активизацию всех указанных моментов. Их экспериментальное применение не только совершенствует эмпирический анализ экономики и ее теорию, но, вместе с тем, создает условия для обогащения теоретической практической психологии, для постижения сущностей второго и третьего порядка ее расширяющегося объекта — действующего во всех сферах человека. Выделение данной ситуации на уровне Нобелевской премии — это оценка значительного вклада, осуществленного психолого-экономическим знанием на пути преодоления многовековой традиции, которая абсолютизировала различия между естествознанием и обществознанием.

Выводы. Процессы экстраполяции метода с необходимостью ведут к трансформации самого метода, к изменению приемов, правил подхода, а порой и к кардинальной смене изучаемого объекта [11, с. 109]. Метод психологических исследований, тестирований, касающихся преобразований экономических структур, а также методы исследования влияния человеческой субъективности и индивидуальности обретают сегодня новые эвристические возможности. Пред-

М. С. Дмитрієва

метная методология практической психологии получает тем самым широкое поле изучения всего механизма действия субъектов в реальных самоорганизующихся системах общества. Легитимация превратила практическую психологию в действительно когнитивно потенциальное средство изучения психических свойств творчески активного человека.

Литература

1. Вильянуэва Э. Что такое психологические свойства? Метафизика психологии/ Энрике Вильянуэва. Пер. с исп. В. Гайдамака. — М.: Идея-Пресс, 2006. — 256 с.
2. Алексеев С. Л., Филатова А. Н. Отклик на событие, (абстрагирование сущности и его пределы) // Философское наследие и современность. — М.: МГТУ. — Вып. IV. Ч. 2, — 2003. — С. 30 — 36.
3. Кун Т. Структура научных революций/ Томас Кун/ Пер. с англ. И. Налетов. — М.: Прогресс; 1975. — 288 с.
4. Леонтьев В. К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества/ Василий Леонтьев // Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. — М.: Политиздат, 1990. — С. 27 — 36.
5. Кун Т. Объективные ценностные суждения и выбор теории/ Томас Кун/ Пер. с англ. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада. Хрестоматия. — М.: Логос, 1966. — С. 61—82.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв/ Юрий Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. Статьи, исследования, заметки. — СПб.: Искусство, СПб, 2001. — С. 10—148.
7. Дмитрієва М. С. Развивающаяся наука в синергетическом измерении/ Маргарита Дмитрієва // Синергетика в науке и наука языком синергетики. — Одесса: Астропринт, 2005. — С. 98—113.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология исследовательских программ/ Имре Лакатос // Методология исследовательских программ. — М.: Азбука-Классика, 2003. — 255 с.
9. Пригожин И. Философия нестабильности/ Илья Пригожин // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 47—52.
10. Дмитрієва М. С. Через легитимацию к дуальности понятий // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. — М.: Современные тетради, 2005. — Т. 1. — С. 81—82.
11. Дмитрієва М. С. Об экстраполяции метода и развитии теории // Проблема методологии и логики науки. Ученые записки ТГУ, Томск, 1975. Т. 90, вып. 8. — С. 107—115.

Дмитрієва М. С.,

д-р филос. наук, професор,
Южноукраїнський національний
педагогічний університет ім. К. Д. Ушинського,
кафедра філософії та соціології

ПРОРОЦТВО, ЯКЕ ЗБУЛОСЯ

Резюме

Мета статті — привернути увагу до такого феномена інтеграції науки як екстраполяція метода лабораторних досліджень реальної поведінки учасників ринкових процесів як засіб емпіричного аналізу економічної науки; розкрити методологічне значення ситуації, показати її наслідки і задачі практичної психології.

Ключові слова: економічна наука, людиномірність, методологічна рефлексія, принцип *ceteris paribus*.

Сбывшиеся пророчество

Dmitrieva M. S.

Doctor of sciences on philosophy, professor,
South Ukrainian National
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Department of Philosophy and Sociology.

THE COME TRUE PROPHECY

Summary

The purpose of this report is to draw attention to the phenomenon of the integration of science as the extrapolation method laboratory real behaviour of market processes as a means of an empirical analysis of the economic science; methodological value of open, show its effects and purpose of practical psychology.

Keywords: economic theory, human dimension, methodological reflection, *ceteris paribus* principle.